

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ
**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА**

Санкт-Петербург
2022

слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы»¹ — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот его суровый приговор: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть»².

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном — пусть медленном — но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д. С. Лихачева.

3.2.3. ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы³. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX века была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»⁴.

¹ Галич А. Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.

В отличие от вышесказанного Д. С. Лихачев, говоря об этике науки, имеет в виду этику самой научной работы. Он весьма сурово осуждает этические нарушения в этой сфере, используя терминологию не из морального, но из уголовного кодекса: разбой, воровство, браконьерство, хулиганство.

Что он имеет в виду?

«“Разбой в науке” — заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей»¹.

«“Воровство в науке” — пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев»².

«“Карманное воровство в науке” — ссылаться на источники из чужих рук»³.

«“Браконьерство в науке” — перехватывать чужие темы»⁴.

«“Хулиганство в науке” — ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами»⁵.

В большинстве рассматриваемых случаев, как легко убедиться, ключевое слово — «чужое». То есть в научной работе есть свое — это то, что получено собственным трудом, остальное — чужое — им можно пользоваться, но нельзя присваивать. Д. С. Лихачев не одобряет даже излишней демонстрации эрудиции. Это касается и библиографии: «Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености», — указывает он⁶.

В столь резких замечаниях видна установка ученого эпохи нормальной науки советского времени, нацеливавшей исследователя на результат, а не на демонстрацию своих способностей. С позиций сегодняшнего дня такая оценка может показаться даже излишне ригористичной. Ибо падение профессионализма зримо проявляется начиная именно с научной эрудиции. Она уходит из книг и статей, как роскошь былых времен, которая ныне уже не по карману.

Вернемся к этике науки, как ее понимал Д. С. Лихачев. Ясно, что построить ее, основываясь только на запретах, не получится, для ученого нужно сформулировать и положительные качества, добродетели.

Главная из них, по Д. С. Лихачеву, — честность: «Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом»⁷. Далее он пишет: «Высокая

---

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 114.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 150.

нравственность ученого проявляется, прежде всего, в ответственном отношении к своей научной работе»¹. Эта мысль очень важна, ибо снимает противоречие между нравственностью и профессионализмом.

Рассматривая тему научного исследования, академик высказывает очень интересное суждение: «Если в конце исследования не видно начала следующего — значит, исследование не доведено до конца»². И затем: «В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок»³. «Окончание научной работы — всегда начало следующей»⁴. Здесь содержится понимание Дмитрием Сергеевичем присущего современному научному развитию динамизма. Наука в современном мире развивается особенно быстро. Практически все, что является подлинной научной задачей, кем-то решается и, как правило, в достаточно короткие сроки. На этом фоне поражает самоуспокоенность некоторых коллег, пытающихся и сегодня прожить за счет научного багажа 1990-х, а то и 1980-х годов. Перефразируя Льюиса Кэрролла, можно сказать, что для того, чтобы оставаться в науке на месте, нужно бежать достаточно быстро, а чтобы двигаться вперед — нужно бежать в два раза быстрее.

Надо сказать, что академик Лихачев достаточно много внимания уделял организационно-научной сфере. «Наука коллективна, — констатирует он. — Настоящий ученый организует науку вокруг себя»⁵. Но при этом: «Организатором науки нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку»⁶. И самое главное: «Организатором науки может быть только человек науки»⁷. Когда сегодня мы слышим, что надо отдать науку в частные руки, передать вузы и институты бизнесу и так далее, ясно, что и в данном вопросе Д. С. Лихачев, увы, оказался провидцем. Разумеется, трудно возражать против расширения источников финансирования науки и высшей школы, даже при том, что государственное финансирование обязано быть более надежным. Но теперь предлагается переместить научное сообщество из органичной среды обитания в иную среду, где отнюдь не человек науки будет играть роль ее организатора, определять ход развития событий.

И что еще существенно: в бизнесе принципиально важен положительный результат, а в науке, особенно фундаментальной, результат

---

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 25.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же.

может быть в принципе любым. Как утверждает Дмитрий Сергеевич: «Отрицательный результат исследования — тоже результат, причем обычно самый бесспорный»¹. Важно, что это сказано без осуждения, ибо итог должен зависеть не от заказчика, а от объекта исследования. В науке нередко нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться, что в конце — тупик. Д. С. Лихачевым осуждается как раз обратное. Он пишет: «Чистоплюйство в науке — выбирать только “выгодные” для себя темы»². Это позиция не бизнеса, потому что там, кроме прямой отдачи вложенных средств, ничто не важно, и не «голос сверху», поскольку чиновники от науки чаще всего и есть упомянутые выше «чистоплюи». Это мнение организатора подлинной науки.

Несколько особняком в изложении этической проблематики стоит следующее суждение Д. С. Лихачева: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее “близости” к науке»³. Характерно, что слово «близость» помещено в кавычки. Потому что речь идет о мимикрии — подражании внешним признакам научной деятельности.

Какие-то люди с важным видом восседают в президиумах конференций, входят в состав ученых советов, высказываются по научным вопросам в СМИ, не имея отношения к реальной научной работе и роняя в обществе статус ученого.

Правда, такая мимикрия существовала и раньше. Еще академик Лев Ландау сказал, что жрец науки — это тот, кто ест благодаря науке и не имеет к ней более никакого отношения. Но подобных персон никогда не было так много, как сейчас.

Отдельная тема в размышлениях Д. С. Лихачева о науке — тема именованя. Дмитрий Сергеевич как-то до странности трепетно относится к именам, названиям и вообще к номинации. Наверное, потому, что с нее все начинается. «Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку — окрестите его, дайте ему имя, название»⁴. Или, в другом месте: «Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с названия: точного, делового»⁵. Но и здесь академик предостерегает от излишеств: «Если ученый создает сотни научных терминов, — он разрушает науку, десятки — поддерживает ее, два-три — двигает науку вперед»⁶. Есть и более афористичная мысль: «Краткость — вежливость ученого»⁷. Данный критерий распространяется и на научные доклады:

---

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 102.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 62.

«Не верьте длинным докладам, — пишет он, — аргументированные обычно коротки»¹.

От темы номинации академик переходит к оценке **языка науки**: «Главное достоинство научного языка — ясность»² — и объясняет, почему это достоинство является основным: «Если язык научной работы труден, он не выполняет основную свою задачу — сообщать»³. Разумеется, Д. С. Лихачева волнует научная коммуникация, поскольку ему всегда казалось принципиально важным наличие сообщества ученых как структуры гражданского общества, связанной с государством, но не зависящей от него в процессе духовного производства, то есть производства идеи, научных концепций и проектов.

В прямой связи с темой научной коммуникации оказывается тема оценки результатов научного труда. Разумеется, «от ошибок никто не застрахован... Ошибка в выводах указывает на ошибочность работы исследователя, ошибочность примененного метода — на порок самого исследователя»⁴. То есть в первом случае виноват в ошибке сам специалист, но у него есть шанс исправиться, а во втором — его учителя, не научившие верно выбирать методологию исследования. Психологически же «страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу»⁵. Именно с «готовностью претерпеть» связана такая этическая категория, как мужество: «Самое большое мужество ученого — вовремя признавать свои ошибки»⁶.

Таким образом, **главным критерием оценки научной работы становится внутреннее «Я» ученого, его совесть**. Внешние же оценки — менее существенны. Как пишет ученый: «Когда у спорящих нет аргументов, появляются просто “мнения”»⁷. Правда, большую роль в научном сообществе играет понимание. Для Дмитрия Сергеевича в данном контексте «интеллигентность — это способность к пониманию»⁸.

Можно было бы утверждать, что такой настрой академика дает в его глазах преимущество герменевтическим процедурам в познании над логико-аналитическими. Но это не совсем так. Далее он пишет: «Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке»⁹.

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 85.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 86.

Границы понимания в науке в принципе не совпадают с границами научной истины. Точнее, первые шире последних. Это — еще одна причина неизбежности научных споров. Но весьма любопытно, что среди аргументов «против» Д. С. Лихачев называет фигуру умолчания: «Молчание в науке — знак несогласия»¹. Может быть, это связано с традицией исихазма в русской православной духовности; возможно, менталитет исследователя содержит внутреннюю установку — молча игнорировать все, с чем не согласен. Так или иначе, но правота этого замечания очевидна. Впрочем, причиной молчания несогласных может быть чей-то научный авторитет, особое значение в данной области чьей-то личности или страх перед начальством. Позиция Лихачева по отношению к начальству определена достаточно ясно: «Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого»². К сказанному выше примыкает следующий тезис: «Не количество работ, а их качество!»³ И еще более уничижительно: «Если ученый бегаёт за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности»⁴. Можно ли сделать вывод об отрицании почтенным академиком научных авторитетов? Разумеется, нет, ибо «не уважают заслуг других те, кто их сам не имеет»⁵. Понятно, что Дмитрий Сергеевич четко отделяет реальный масштаб творческой личности от показной мишуры, имеющей мало отношения к сути дела.

При прочтении текстов академика Д. С. Лихачева о науке возникает странное чувство, связанное с глубиной разрыва между желаемым и существующим. С одной стороны, не может не вызывать уважения этическая доминанта его высказываний, с другой — мысли ученого воспринимаются как голос из иной реальности. Словно все постулаты рождены в месте уединения оторванного от обычной жизни мудреца. Но ведь это не так. Дмитрий Сергеевич изведal многое на своем научном и жизненном пути. И все-таки в текстах незримо присутствуют житейское благополучие, достоинство, даже величие прошлого века — времени наивысшего расцвета советской науки.

В 1990-е годы в научной среде возникнет совершенно иная ситуация. Разразившаяся национальная катастрофа привела к массовому обнищанию людей науки, уходу наиболее энергичных в политику и бизнес, миграции за рубеж, старению научных коллективов. В современную историю России вписаны не научные победы и прорывы, а самоубийства директоров НИИ, не знавших, на какие деньги содержать ин-

---

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 77.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 91.

ституты, вывоз за рубеж всего, что можно было продать, — распиленного на металлолом оборудования, оборонных технологий, научных результатов; махинации с фондами заработной платы научных учреждений и с их имуществом. И все более бойкая торговля учеными степенями и званиями «на вынос и распивочно». Кто из «сильных мира сего» в нашей стране еще не доктор или, на худой конец, не кандидат каких-нибудь наук?

В этих условиях мысли академика могут восприниматься как рекем по науке, которую мы потеряли. И все-таки здесь есть светлая сторона. Актуализация воззрений Д. С. Лихачева на этику научной работы связана не со вчерашним или сегодняшним, но с завтрашним днем российского общества и государства.

«Долг ученого — иметь преемников.

Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам.

Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников»¹.

Поставленный академиком Лихачевым **вопрос о долге ученого** важен сегодня как никогда. Преподавательский состав российских вузов — в большинстве своем дедушки и внуки. Потеря среднего поколения печальна, но не фатальна по ее отдаленным последствиям, если в науке сохранится преемственность, о которой говорит Дмитрий Сергеевич. И в том случае, если наука будет востребована обществом и государством, — не все безнадежно. Нам остается в связи с этим лишь повторить за Дмитрием Сергеевичем: «Самый верный путь ученого — путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете»².

---

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 31.

² Там же. С. 119.